

Когда Цзян Лэ вернулся на территорию фермы, уже почти стемнело. В это время рабочий день на ферме закончился, но животные на свободном выгуле за пределами фермы жили по другому распорядку, нежели те, что содержались в загонах внутри. Они только сейчас один за другим возвращались в свои укрытия. Поэтому рабочее время сотрудников, отвечавших за их безопасность, соответственно сдвигалось на более поздние часы.

Цзян Лэ отсутствовал почти месяц. За это время молодняк животных на свободном выгуле, хотя до взрослого состояния им было ещё далеко, уже сильно изменился по сравнению с тем, каким был сразу после выпуска.

Чжао Жун держала в руках бамбуковый шест и стояла позади стада овец, осторожно подгоняя их и направляя в нужную сторону.

Овцы получили команду и в целом слушались, но среди них всегда находилась одна-две хитрые: они нарочно отставали на пару шагов, чтобы успеть украдкой щипнуть ещё несколько пучков травы. Боковым зрением Чжао Жун заметила, как что-то мелькнуло. Она проследила взглядом, но ничего не обнаружила. Зато те самые маленькие барашки, которые только что плелись позади, будто под влиянием чего-то внезапно возбудились и, разбросав копытца, понеслись в сторону фермы.

Цзян Лэ почувствовал, как стадо бросилось за ним, но не придавал этому значения. В следующее мгновение он уже исчез в лесу.

Стадо постепенно перестало ощущать запах хозяина фермы, и прежнее возбуждение улеглось. Зато Чжао Жун, догонявшая овец, выбилась из сил. Лишь увидев, что стадо остановилось, она смогла перевести дух, потом несколько раз пересчитала овец и, убедившись, что ни одна не пропала, наконец успокоилась.

Эта работа пастушки досталась ей с трудом. Прежний пастух добился перевода на работу внутри фермы, и только тогда освободилось место.

Платили здесь не так много, как на ферме, но Чжао Жун уже считала это очень хорошим.

Цзян Лэ прошёл по окраине деревни Цзянцзя. Вспомнив, что уже давно не возвращался в старый дом, он замедлил шаг и вошёл в деревню.

Старый дом стоял на внешней стороне Цзянцзя. Во время нескольких распределений домов для беженцев его не включали в список. К тому же Мао Сяофэй иногда приходил сюда прибраться и присмотреть за домом. Поэтому он мало чем отличался от того состояния, в каком был до конца света.

Если и было место, которое сильнее всего давало Цзян Лэ чувство покоя, то, пожалуй, именно здесь.

Он немного полежал с закрытыми глазами на бамбуковой кровати в доме, позволив мыслям постепенно опустеть и успокоиться. Разные звуки нынешней Цзянцзя ясно входили в его уши.

Соседка, вернувшаяся с выпаса овец, поставила бамбуковый шест у двери. Мужчина, закончивший работу раньше, уже приготовил еду и мягко положил лопатку на плиту.

Супруги подсчитывали расходы. Хотя есть в столовой им было по силам, они всё же собирались экономить всё, что можно. Так, накопив достаточно денег и отработав нужный срок, они смогут подать на ферме заявку на участок и построить собственный дом. Только тогда жизнь

действительно обретёт ощущение устойчивости.

После ужина они не стали долго сидеть дома. Дверь открывалась и закрывалась со скрипом.

Снаружи, в деревенском переулке, кто-то с миской риса в руках прошёл мимо патрульного гуся. Вечерний ветер заставлял невольно плотнее запахнуть одежду, но люди всё равно охотно шли на пустырь в деревне, где уже собралось немало народа.

После ужина других современных развлечений не было, и все с удовольствием задерживались снаружи подольше: болтали, шутили, рассказывали истории. Говорили о прежнем и нынешнем, о бессмертных и призраках, а в промежутках часто вспоминали случайности и забавные истории, случившиеся во время посадок.

Вначале всякий раз, когда речь заходила о прошлом, после оживления атмосфера на несколько секунд становилась тяжёлой. Но постепенно, по мере того как люди привыкали к жизни здесь, такое случалось всё реже.

Чжао Жун и Цянь Дунлян сели рядом на каменную лавку. Сказать «каменная лавка» было громко: по сути, это был просто старый порог от прежнего дома, который когда-то жители Цзянцзя положили, чтобы на нём можно было сидеть.

Стоило Цянь Дунляну сесть, как кто-то тут же попросил его продолжить вчерашнюю недосказанную историю.

Цянь Дунлян был красноречив. Он рассказывал детективную историю живо и выразительно, так что она становилась напряжённой и увлекательной. Остальные наострили уши, то и дело вздрагивали от испуга, и вскоре он полностью раскачал атмосферу.

Чжао Жун уже не раз слышала эту историю, поэтому немного отвлеклась. Опустив взгляд, она заметила у ног, под каменной лавкой, травинку, листья которой медленно шевелились и тянулись к её щиколотке.

До конца света Чжао Жун, увидев даже дождевого червя, завизжала бы. Сейчас же она с совершенно невозмутимым видом схватила эту травинку, скрутила и бросила назад. Движение было ловким и быстрым, и даже ритм рассказа Цянь Дунляна не нарушился.

Ночью в горах мутировавшие существа, привлечённые светом, приближались к человеческим поселениям, потому что это часто означало шанс насытиться.

Но ни одно мутировавшее существо не решалось легко пересечь красную черту. После бесчисленного количества взвешиваний между жизнью и смертью уже давно сформировалась новая, невидимая граница.

Цзян Лэ тихо закрыл дверь старого дома и не потревожил людей, слушающих истории. Он постоял на месте, ещё немного посмотрел на толпу, потом отвёл взгляд и направился к ферме.

Ворота фермы были открыты. На дороге между Цзянцзя и фермой хватало людей, ходивших туда-сюда. В том числе Мао Сяофэй, Кун Шуя и другие тоже любили прогуляться к месту за деревней, где было многолюднее.

Хотя возвращение на ферму действительно давало Цзян Лэ чувство покоя и свободы, по характеру он не был человеком, который особенно любит шумные компании. Поэтому он сначала один вернулся в офис фермы.

Однако он ещё не успел как следует присесть, как мутировавший женьшень уже начал взыскивать долг.

В отличие от желаний обычных мутировавших существ, у мутировавших существ ментального типа желания часто менялись в зависимости от их одержимости.

Если описывать желание мутировавшего женьшеня, то, наверное, это были здоровье и покой. Поэтому даже при атаке или убийстве он предпочитал заставить человека погрузиться в глубокий сон, чтобы тот медленно умер в прекрасном сне.

— Ты же обещал, что, когда мы вернёмся, устроишь мне много больных? — мутировавший женьшень допрашивал Цзян Лэ.

Цзян Лэ поправил его:

— Я не говорил, что устрою тебе много больных. Я сказал, что устрою тебе много возможностей проверить, здоровы ли люди. Но как именно это организовать, мне ещё надо подумать.

В конце концов, мутировавший женьшень был всего лишь горшком женьшеня. Цзян Лэ мог понимать его слова только благодаря особой связи между хозяином и питомцем.

Хотя Цзян Лэ не так уж возражал немного побыть его переводчиком, у мутировавшего женьшеня, судя по всему, была сильная врачебная зависимость. Переводить ему постоянно — не годилось как долгосрочное решение.

Но с точки зрения мутировавшего женьшеня его близость к Цзян Лэ изначально была отрицательной, и сейчас первой мыслью, конечно, стало подозрение.

— Ты тянешь и тянешь. У тебя здесь вообще нет никаких больных? Всё это время ты меня обманывал!

Цзян Лэ слишком давно не имел дела с питомцем с отрицательной близостью и почти забыл, как это тяжело.

Но справиться он всё же мог. Цзян Лэ начал уговаривать:

— Как такое возможно? У нас здесь большинство людей обычные. Обычные люди, пережившие конец света, в основном жили очень тяжело. Даже после того как безопасность восстановилась, в теле у них неизбежно накопились повреждения. Я тебе обещаю: следующий человек, которого ты увидишь, обязательно будет больным, нуждающимся в твоём искусстве врачевания.

Мутировавший женьшень ничего не сказал, но испускаемая им аура ясно говорила: если его обманут, близость уйдёт в такой минус, ниже которого уже некуда.

Цзян Лэ и правда не собирался нарочно обманывать мутировавший женьшень. Если сегодня вечером он не покажет ему людей, а завтра попросит Мао Сяофэя организовать тех, у кого на ферме слабое здоровье, чтобы они пришли на осмотр, вопрос будет решён.

Но всё сложилось именно так неудачно. Стоило Цзян Лэ договорить, как он услышал шаги вдали.

До офисного здания было ещё около сотни метров, но по шагам можно было понять: человек направлялся именно сюда.

Чувствительность мутировавшего женьшеня была не хуже, чем у Цзян Лэ. Он холодно хмыкнул:

— Хорошо, следующий человек пришёл.

Выражение Цзян Лэ не изменилось, но про себя он подумал, что ему действительно не повезло. С такого расстояния он уже понял, кто идёт. Фэн Юнь.

Лучше бы пришёл Мао Сяофэй. Но пришёл именно Фэн Юнь.

У обычных людей на базе, скорее всего, были какие-нибудь мелкие или крупные проблемы со здоровьем: старые травмы, поясничное перенапряжение от работы и тому подобное. Даже обладатели способностей не были от этого полностью избавлены.

Но только Фэн Юнь, видимо, с самого дня пробуждения своей способности читать мысли был обречён на характер в духе «три дня рыбу ловить, два дня сети сушить». Недавно все были заняты весенним севом, а он умудрялся полдня работать и полдня отдыхать: главное, чтобы очков хватало на еду.

Обычно он ещё и твёрдо придерживался идеи рано ложиться и рано вставать, исповедуя принцип, что ничего нет лучше крепкого здоровья.

Но как бы Цзян Лэ ни хотел, чтобы Фэн Юнь ушёл, человек уже пришёл. Под подозрительными эмоциями мутировавшего женьшеня Цзян Лэ открыл дверь и пригласил Фэна Юня войти.

Фэн Юнь ещё не успел заговорить, как Цзян Лэ усадил его на стул перед рабочим столом.

— Брат Цзян, я... — Фэн Юнь вообще-то пришёл просить Цзян Лэ перевести его на выпас, потому что там легче. Но не успел он как следует раскрыть рот, как заметил выражение лица Цзян Лэ.

Цзян Лэ улыбался, но в этой улыбке было чувство горького разочарования его прожорливой ленью.

Слова Фэна Юня застряли у горла. Он осторожно, следуя указанию Цзян Лэ, протянул руку.

Из маленького диска на столе вытянулась зелёная ветвь и легко легла Фэну Юню на руку.

Одна секунда, вторая. Цзян Лэ молча ждал, когда система объявит о списании очков.

Однако через какое-то время мутировавший женьшень задумчиво хмыкнул, убрал свою ветку и произнёс с оттенком вины за то, что неправильно понял Цзян Лэ:

— Этот человек действительно очень тяжело болен.

Цзян Лэ подумал, что ослышался. В тот же миг ещё более недоверчиво прозвучал голос Фэна Юня:

— Что значит очень тяжело болен?

— Неспособность контролировать включение и выключение чтения мыслей. Разве это не

тяжёлая болезнь? — серьёзно сказал мутировавший женьшень.

Только тут Цзян Лэ вспомнил, что способность Фэн Юня — чтение мыслей.

Фэн Юнь изначально выглядел совершенно растерянным, но, услышав слова «контролировать чтение мыслей», тут же изменился в лице. Он крепко схватил вытянутую веточку мутировавшего женьшеня.

— Божественный лекарь!

На следующий день Фэн Юнь уже приступил к новой работе в качестве больного и одновременно ассистента. Узнав, что ему не придётся идти в поле, Фэн Юнь буквально за секунду принял новую должность.

К тому же после вчерашнего короткого курса лечения у мутировавшего женьшеня Фэн Юнь утром проснулся и обнаружил, что его прежняя неконтролируемая способность читать мысли иногда действительно может отключаться!

Небо знало, насколько Фэн Юнь мучился из-за этого. Даже его нежелание вкладываться в работу частично было связано со способностью. Ведь по мере роста уровня способности его прежние удобные моменты, когда он то слышал, то не слышал мысли, или мог отойти подальше и не слышать вовсе, тоже исчезли.

После повышения уровня способности стоило Фэн Юню оказаться в людном месте, как у него возле ушей будто включали громкоговоритель.

Из-за этого Фэн Юнь стал ещё сильнее уважать мутировавший женьшень и доверять ему.

В тот же день утром на доске объявлений фермы появилась строка, собственноручно написанная Фэн Юнем: «Просьба ко всем сотрудникам сегодня после работы прийти в офисное здание на бесплатный медицинский осмотр для работников! После срока тоже ждём, прийти обязательно».

Сотрудники обнаружили, что рядом с офисным зданием и правда появилось пространство, закрытое занавеской. Возле него стояла маленькая табличка с иероглифами: «Временный медицинский кабинет».

Фэн Юнь сидел снаружи занавески с невозмутимым видом старого мудреца.

Узнав новость, сотрудники быстро начали один за другим выстраиваться в очередь перед офисным зданием.

Цзян Лэ видел из офиса всё, что происходило снаружи, и про себя наконец-то расслабился: одного капризного деда удалось пристроить. Каждый раз, осмотрев очередного сотрудника, мутировавший женьшень поднимал близость к Цзян Лэ на несколько очков. Если темпы сохранятся, когда он осмотрит всех работников фермы и размещённых снаружи беженцев, близость из отрицательной вполне может перейти в положительную.

Пока медицинская работа шла, Цзян Лэ тоже не сидел без дела.

Первая волна беженцев, принятых фермой, уже полностью адаптировалась к жизни здесь. Пробная попытка оказалась успешной, и Цзян Лэ собирался начать приём второй партии.

Снова очертив область распространения оповещения, он по-прежнему ограничил основную принимаемую группу рамками обычных людей. Остальные условия примерно не изменились, только зона распространения оповещения стала больше, чем в прошлый раз.

После того как Цзян Лэ нажал подтверждение, система показала, что затронутая группа достигла более чем трёхсот человек.

Как и в прошлый раз, эта реклама снова была крайне субъективной: только люди, которым она направлялась, могли ощутить ферму.

После начала рассылки система вдруг выдала строку уведомления, которой прежде не было:

«Желает ли хозяин добавить охрану на соответствующих участках пути, чтобы обеспечить безопасность принимаемых беженцев и повысить успешность приёма?»

Вместе с этим ниже появились два варианта охраны: первый — отправить обладателей способностей, второй — отправить местную охрану фермы.

Под так называемой местной охраной подразумевались животные и растения фермы. Например, гуси, патрулирующие Цзянцзя, или помидоры с салатом у ворот фермы.

Действительно, Цзян Лэ вспомнил потери людей при прошлом приёме. В этот раз область приёма расширилась, значит, им будет труднее добраться до фермы.

Но на ферме и так было не так много обладателей способностей. К тому же при таком расстоянии оставлять обладателей способностей фермы надолго снаружи тоже не обязательно безопасно. Цзян Лэ сразу выбрал местную охрану. Название у местной охраны было простое, но на деле это была группа с богатым опытом поддержания порядка и защиты безопасности.

После его выбора на карте, которая в реальном времени отслеживала местонахождение беженцев, появилось множество красных точек. Они обозначали, что охрана в этих местах уже прибыла. В траве, рядом с кучами камней, то и дело вылезали разные культуры. Старая наседка спикировала с неба, одним ударом лапы сбила с дерева сидевшую там мутировавшую птицу и, несколько раз кудахнув, устроилась на дереве.

Одна волна зомби уничтожила маленькую базу, где находился Цянь Дунлян. Ужасная, бескрайняя орда зомби накатила глубокой ночью. Большинство людей погибли в зубах зомби, так и не успев понять, что происходит.

Цянь Дунлян и несколько его товарищей, рискуя жизнью, выбежали с базы. Они знали лишь, что нужно бежать в сторону, противоположную орде. Когда им наконец удалось полностью оторваться от основной массы зомби, Цянь Дунлян обнаружил, что его спутники уже погибли в пастях зомби. Только он, несколько раз во время бегства случайно выбрав правильный путь, остался жив.

Цянь Дунлян тоже пытался найти базу, к которой можно было прибиться. Но несколько ближайших баз пережили примерно то же самое. Несколько дней снаружи подряд, и он так и не нашёл места, где мог бы укрыться. Мало того, оставшиеся на дороге зомби и преследование мутировавших существ почти не давали Цянь Дунляну времени на отдых. Он только бежал и бежал.

Он не знал, куда в такой ситуации надо бежать. Просто где-то в неясной глубине что-то направляло его шаги и заставляло не останавливаться до последнего.

Так он шёл три-четыре дня подряд. Когда силы почти иссякли, за ним снова увязались несколько зомби, и он не мог передохнуть.

Непрерывный ночной бег превратил его ноги в нечто, будто уже не принадлежавшее телу. Усталость духа и тела достигла предела. Однако каждый раз, когда Цянь Дунлянь хотел остановиться и немного отдохнуть, вскоре видел неподалёку несколько зомби, пошатываясь идущих к нему.

Цянь Дунлянь вдруг вспомнил историю про улитку, которая преследует человека, и почувствовал, что попал именно в такую ситуацию. Как бы медленно ни ползла улитка, он никогда не мог остановиться, иначе в какой-то миг, обернувшись, увидел бы, что улитка уже стоит у него за спиной.

Нет, отчаянно подумал Цянь Дунлянь, это не совсем так. Даже если он без остановки побежит вперёд и сбросит зомби за спиной, впереди он всё равно может столкнуться с другой опасностью.

К базе, уничтоженной ордой зомби, у него не было каких-то особых чувств. Гибель и скитания давно стали обычной частью жизни обычных людей. Но Цянь Дунлянь всё равно скучал по тому месту, которое хотя бы ненадолго давало человеку слабое чувство безопасности.

На склоне его нога жестоко зацепилась за какой-то корень. Цянь Дунлянь непроизвольно рухнул лицом вниз. Он хотел опереться руками и сесть, но затёкшие, измученные мышцы уже не давали никакой опоры.

Съев последний запас еды, он два дня ничего не ел и даже не пил воды. Сейчас он был сильно обезвожен, а силы окончательно иссякли.

Цянь Дунлянь с трудом перевернулся на спину. Благодаря наклону он видел, что три зомби находятся от него всего в сотне метров. Если он не сможет быстро встать и побежать дальше, это станет концом его жизни.

Ладно, подумал Цянь Дунлянь. Тогда просто умру.

Но в поле зрения, обращённое к небу, вдруг попало яркое пятно цвета, как сон, как иллюзия. Цянь Дунлянь рассеянно глянул, взгляд постепенно сфокусировался и обнаружил, что этим алым пятном оказался куст помидоров.

Не мутировавших помидоров, а самых обычных, какие часто встречались до конца света. Цянь Дунлянь был деревенским жителем и сам когда-то выращивал помидоры, но таких красивых ещё не видел. В первый миг он даже подумал, что от голода у него началась галлюцинация.

Желание жить всё-таки сидело в костях. Цянь Дунлянь опёрся руками и попытался рассмотреть этот куст внимательнее. Но руки и ноги были слабыми, и он только скользнул, едва приподнявшись, а вскоре снова рухнул на землю, чуть не ударившись до потери сознания.

Он слишком давно не видел таких нормальных свежих овощей и фруктов. Он даже не успел подумать, нормально ли, что в этот сезон на улице растёт такое растение, как во рту уже начала выделяться слюна.

Помидор выглядел таким сочным, будто от одного укуса должен был брызнуть сок.

А хриплое дыхание зомби становилось всё яснее. Кожа у ушей Цянь Дунляня занемела. Он изо

всех сил обернулся и увидел, что зомби уже всего в десятке шагов за его спиной.

Даже если умирать, нельзя умирать таким голодным и жаждущим! — яростно подумал Цянь Дунлян.

Он собрал последние силы, шатаясь, поднялся и бросился к кусту помидоров. Сорвал один плод и поднёс ко рту, откусив с силой.

Сок действительно мгновенно взорвался у него во рту. Вкус свежего помидора: сладость с тонкой, очень уместной кислинкой, мякоть с лёгкой зернистостью. Так называемые вкус и ощущение на языке слились на его языке в лучший помидор, который Цянь Дунлян ел за всю жизнь.

Только тогда он заметил: примерно посередине куста была привязана бумажка. Написанный на ней текст показался Цянь Дунлян довольно странным и трудным для понимания.

«Человек, встретив опасность, может спрятаться за крепкой спиной этого овоща!»

Сзади ещё был нарисован смайлик, демонстрирующий мышцы.

Он не очень понял смысл этой фразы, но зомби уже подошли к нему. Жажда плоти заставила их броситься прямо на Цянь Дунляна.

Цянь Дунлян жевал помидор и закрыл глаза, готовясь ждать смерти.

Но прошло больше десяти секунд, а ожидаемая боль не пришла. Цянь Дунлян странно открыл глаза и обнаружил, что три зомби стоят всего в нескольких десятках сантиметров от него. Они явно очень хотели приблизиться, но чего-то боялись.

Пока один из зомби всё же не выдержал соблазна живой плоти и не собирался броситься вперёд. И тогда Цянь Дунлян увидел сцену, которую не забудет до конца жизни.

Один помидор на соседней лозе внезапно выстрелил прямо вперёд и попал зомби точно в череп. В мгновение касания он взорвался. Помидорный сок и мозги зомби разлетелись по земле вместе. Какое-то время было даже не понять, где кусок помидора, а где мозг зомби.

Не веря в увиденное, Цянь Дунлян распахнул глаза так, что они стали круглыми, как у быка. Всё тело полностью застыло.

Похоже, раз уж убийство началось, оставшимся двум зомби, которые не бросились вперёд, тоже не удалось уйти от помидорной расправы.

Фьюх, фьюх!

Ещё два помидора вылетели следом и тем же способом оставили на земле разные оттенки красного.

Цянь Дунлян медленно перевёл взгляд на недоеденный помидор в своей руке и на миг не понял, стоит ли продолжать есть.

А маленькая бумажка с надписью «Человек, встретив опасность, может спрятаться за крепкой спиной этого овоща!» в этот момент слегка качнулась на ветру, будто просила похвалы.

Цянь Дунлян постепенно пришёл в себя, и на его лице вдруг появилась улыбка. Наверное,

небом ему было предначертано не умереть! Кажется, из-за еды его давно помутневший мозг тоже немного прояснился, и чувство направляющего зова стало ещё яснее.

Цянь Дунлян большими глотками запихнул оставшуюся половину помидора в рот, позволяя сладкому свежему соку увлажнить рот, наполнить живот, и крепко ухватился за этот проблеск жизни.

Подобное происходило одновременно во многих местах, вместе выстраивая защитный барьер для людей в беде.

А в это время в пространстве фермы Цзян Лэ мучился другой проблемой.

Кровавая лоза очнулась после повышения уже два дня назад, но хотя все показатели волчонка были очень стабильны, шкала повышения в системном интерфейсе давно застряла на 99% и не двигалась. Причина была неизвестна.

<http://bllate.org/book/17649/1691014>